

Что вообще произошло?

Воздух, казалось, застыл. Ся Пэньюэ переводил ошеломлённый взгляд с Чи Сяня на местных жителей, которые с кряхтением поднимались с земли и в панике шарили руками в поисках выроненного оружия. Он протёр глаза, зажмурился, помотал головой, но картинка не изменилась. Всё это происходило наяву.

Чи Сянь действительно за какие-то десять-пятнадцать минут освоил азы медитации и выучил целых два базовых заклинания?

Постойте-ка... Мы же договаривались, что он наскоро выучит хоть что-то, просто чтобы нам было легче унести ноги! А это сейчас что такое?!

И самое главное — магия ветра. Откуда взялся ветер?! Ся Пэньюэ ведь объяснял ему заклинания магии металла!

Сложив два и два, Пэньюэ пришёл к дикому выводу: Чи Сянь взял за основу принципы магии металла, самостоятельно вывел из них формулу ветра, да ещё и усовершенствовал её на ходу?!

Ся Пэньюэ лишился дара речи.

«Ну ты и монстр... Как вообще такое возможно? Это же просто бред!» — вертелось у него в голове.

Хотя, конечно, жаловаться грех — для них обоих это был лучший из возможных исходов. Но всё равно в голове не укладывалось.

И это было ещё не самое абсурдное.

Ся Пэньюэ несколько раз приоткрыл рот, словно рыба, выброшенная на берег, и наконец выдавил:

— Погоди... Ты же только что говорил, что ты избранник Небесного Дао Земли?

А теперь вдруг заделался Богом Света?

Чи Сянь лишь невозмутимо молчал. Он чуть подал копьё вперёд, приставив остриё почти к самому горлу старосты, и с лёгкостью переменял тон:

— Ну, теперь-то вы верите, что я избранник земного Небесного Дао?

Ся Пэньюэ закатил глаза.

Пострадавший староста застыл.

Кое-как поднявшиеся на ноги местные воины тоже лишились дара речи.

«Даже если ты самозванец, притворяющийся Сыном Бога, можно проявить хоть каплю старания?! Пожалей наши умственные способности! И вообще, это у тебя называется "дружеские переговоры"? Может, для начала уберёшь оружие от горла?!»

Впрочем, их мысленный протест никого не волновал. А главное — хватало ли им смелости усомниться?

Глядя на сверкающее у самого носа остриё, староста угрюмо молчал. Окружившие их воины рады бы броситься на чужака скопом, но прекрасно понимали: им с ним не совладать. Этот человек — настоящий маг, уложивший весь их отряд одним небрежным взмахом.

И пусть Чи Сянь держал на мушке только их предводителя, в заложниках сейчас находились они все. Они увидели его силу, узнали о его существовании. Чтобы они не донесли на него Церкви, он наверняка перебьёт их при малейшем неповиновении.

Стоит им сейчас возразить — и пощады не будет.

Ради Бога Света и Его Святейшества Папы они были готовы принять мученическую смерть. Но если они падут здесь, кто позаботится об их семьях в деревне?

Староста зажмурился и, едва сдерживая дрожь, процедил сквозь зубы:

— Ваше могущество не оставляет сомнений... Вы, безусловно, Сын Бога из иного мира. Молим, простите нам нашу прежнюю дерзость.

Ся Пэньюэ мог только беззвучно вздыхать.

Чи Сянь же удовлетворённо кивнул и наконец опустил копье.

— Вот видите. Поверили бы сразу — не пришлось бы тратить столько сил.

У старосты и его людей перехватило дыхание от подобной наглости.

— А теперь, — как ни в чём не бывало продолжил Чи Сянь, — ведите нас в свою деревню.

Лицо старосты мгновенно осунулось.

— Зачем? Что вы задумали?

— Да ничего особенного. Мы здесь люди новые, идти нам некуда, нужно где-то переждать и осмотреться. Так что придётся вам потесниться и приютить нас на какое-то время. — Он сделал паузу и добавил уже мягче, но с нажимом: — Не беспокойтесь. Нам действительно нужен лишь кров. Вреда мы вам не причиним.

Однако эти слова никого не успокоили. Напротив, лица воинов сделались мертвенно-бледными.

Только сейчас до них дошло: они радовались, что подчинением спасли свои жизни, но ведь чужак всё равно их не отпустит! Они слишком много знают. Если они приведут этого опасного мага в деревню, под ударом окажутся беззащитные женщины, старики и дети. Обещаниям чужака никто не верил — разве пощадит монстр невинных, когда дело касается его тайны?

И всё же выбора у них не оставалось. Либо умереть здесь прямо сейчас, оставив деревню без защиты, либо попытаться выиграть время.

— Хорошо, — глухо отозвался староста, чьё лицо превратилось в каменную маску.

— Показывайте дорогу, — скомандовал Чи Сянь.

Возразить никто не посмел.

Ся Пэньюэ наконец-то обрёл способность мыслить.

Он переводил взгляд с понуро бредущих впереди проводников на Чи Сяня. «Господи, я действительно сорвал куш! — ликовало его сердце. — Чи Сянь — не просто сильный практик, он настоящий монстр! С ним у меня наконец-то появился шанс подняться со дна!»

Пылая от восторга, он подскочил к напарнику:

— Слышь, Пёс Чи... то есть, брат Чи! Нет, Бог Чи!.. — Он замялся, подбирая слова, но от избытка чувств выдал лишь простое: — Ну ты и даёшь! Просто нереально крут!

И тут же мысленно обругал себя. Раньше вокруг него вились толпы подхалимов, рассыпавшихся в изысканных комплиментах. Почему он не запомнил хотя бы парочку красивых фраз? Сейчас они пришлись бы как нельзя кстати!

Впрочем, нужно было делом доказывать свою полезность. Ся Пэньюэ торопливо перехватил у

Чи Сянь дорожный мешок:

— Давай сюда вещи, я понесу. Мне не тяжело.

Чи Сянь спорить не стал. Стоило Пэньюэ забрать поклажу, как Чи Сянь тяжело опёрся рукой о его плечо.

Ся Пэньюэ на мгновение замер. Плечо ощутимо придавило — казалось, Чи Сянь перенёс на него едва ли не половину собственного веса.

Но Пэньюэ среагировал мгновенно. Чтобы идущие впереди местные жители ничего не заподозрили, он сделал шаг вперёд, прикрывая напарника корпусом, и тихо спросил:

— Что с тобой?

Чи Сянь продолжал идти ровным, размеренным шагом, ничем не выдавая слабости:

— Полное истощение духовных сил.

Иного и быть не могло. Как бы ещё вчерашний новичок в магии сумел сотворить столь разрушительное заклинание, поглощая крупницы стихий всего пару минут? За этот фокус пришлось заплатить сполна.

Ся Пэньюэ встревожился:

— Это опасно? Последствий для здоровья не будет?

Заметив, что напарник первым делом искренне забеспокоился о его состоянии, а не о собственной выгоде, Чи Сянь едва заметно улыбнулся. Что ж, пока Пэньюэ полностью оправдывал звание надёжного союзника.

— Ничего непоправимого, — негромко ответил он. — Но придётся долго восстанавливаться.

Пэньюэ облегчённо выдохнул. Его эйфория от сокрушительной победы моментально улетучилась, уступив место суровому прагматизму. Чудес не бывает, за каждую крупницу силы приходится платить непомерную цену. Их путь в этом мире только начинается, и ему самому нужно как можно скорее расти над собой, чтобы не быть обузой.

Он окончательно взял себя в руки:

— Что делаем дальше?

— Осмотримся в их деревне, — спокойно проговорил Чи Сянь. — Если условия подходящие, попробуем наладить сотрудничество.

«Сотрудничать? — мысленно усмехнулся Ся Пэньюэ. — Да они нас сейчас живьём содрать готовы».

Впрочем, безнадёжных ситуаций не бывает. Если приложить усилия, подход можно найти к кому угодно.

Кто бы мог подумать, что шанс представится им так скоро.

Минут через пятнадцать перед ними показалась деревня. Хотя назвать это поселение деревней язык не поворачивался — скорее, стоянка какого-то первобытного племени. Всюду теснились жалкие низкие лачуги, крытые соломой, а у подножия дальней скалы чернели входы в полтора десятка неровных пещер.

Едва завидев возвращающихся охотников, с деревянной сторожевой вышки торопливо соскользнул молодой парень. Он подбежал к отряду, его глаза были красными от слёз:

— Староста, наконец-то вы вернулись! У нас опять беда!

Староста нахмурился:

— Что стряслось?

Юноша повёл старосту в сторону пещер, на ходу торопливо объясняя:

— Маме Олиши и остальным совсем худо. Вчера утром, сразу после вашего ухода, у неё начался сильнейший жар, теперь она без сознания. Наш вице-староста совсем отчаялся. Он решил продать Щит Бога, который оставил ему старый староста, чтобы выручить хоть какие-то монеты и снова отвезти раненых к священнику Риду. Но по дороге они встретили странствующего барда. Тот выслушал их, осмотрел снадобья, что мы накупили у Рида... и сказал, что нас нагло обманули! Все лекарства, ради которых мы отдали последние запасы зерна и шкур, оказались пустышкой!

— Вице-староста сначала не поверил, решил перепроверить и обошёл городские лавки лекарей. Но все врачи в один голос твердили: это фальшивка, обычная подкрашенная вода! Наш вице-староста в ярости бросился к священнику Риду за объяснениями. Но тот мало того что всё отрицал, так ещё и приказал своим слугам избить наших парней.

Тогда вице-староста решил искать правды в Верховном церковном суде. Но тамошний судья даже слушать их не стал! Вместо того чтобы наказать мошенника, он обвинил наших в смуте и клевете на святых отцов и приговорил каждого к тридцати ударам плетью! А поскольку у

наших парней не было ни единой монеты, чтобы откупиться или задобрить палачей, те избивали их с особой жестокостью... Сейчас они... они...

Парень захлебнулся слезами, не в силах продолжать.

Лицо старосты потемнело от гнева, челюсти сжались так, что заходили желваки. Он прибавил шаг, почти переходя на бег.

А вот у Ся Пэньюэ в глазах вспыхнул огонёк надежды.

Судя по рассказу парня, племя оказалось на грани выживания. Но лекарства, одежда, предметы первой необходимости — ведь именно этого добра у гостей с Земли было в избытке! Пусть земная флора давно погибла, химическая промышленность без труда синтезировала любые лекарства, а ткани делались из нефтепродуктов. Вот он, идеальный шанс завоевать доверие местных жителей и привязать их к себе!

Однако его мимолётная радость быстро угасла.

Вслед за старостой они вошли в пещеру, служившую лазаретом.

Едва переступив порог, Ся Пэньюэ едва не задохнулся от тяжёлого, приторного запаха гниющей плоти и лихорадочного пота.

Его лицо исказилось — не от брезгливости к вони, а от того невыразимого ужаса, что предстал перед его глазами.

В просторной пещере размером с баскетбольную площадку всё пространство было устлано соломенными подстилками, на которых ютились несчастные. Старики с серебряными волосами, дети лет семи-восьми — все они были истощены до предела, напоминая обтянутые кожей скелеты.

У кого-то не хватало рук или ног. Из-за полного отсутствия медикаментов обрубки загнивали; сидящие рядом женщины без устали, раз за разом стирали сочащийся из ран зловонный гной серыми тряпками. Другие лежали с выжженными, пустыми глазницами, тихо и безнадежно воя от непроходящей боли. Третьи угасали от неведомых болезней — бледные как смерть, они едва дышали, и лишь по слабому, почти незаметному движению груди можно было понять, что в них ещё теплится жизнь.

Большинство раненых и больных укрывались лишь грубыми циновками из сухой травы.

Ся Пэньюэ, проживший двадцать с лишним лет в холе и неге, никогда не видел ничего подобного.

Лишь теперь он по-настоящему осознал, какой кошмар скрывается за скупыми словами «нехватка лекарств» в этом мире.

Его пальцы судорожно сжались в кулаки.

До этой секунды местные казались ему просто безликими туземцами, персонажами чужого мира, которых можно использовать как инструмент. Но они были людьми. Такими же людьми, как и он сам.

Ему стало невыносимо стыдно за свои эгоистичные мысли о выгоде и дешёвом авторитете. Здесь разыгрывалась трагедия, и он просто обязан был помочь.

Ся Пэньюэ мысленно пересчитал скромные запасы, которые у него оставались.

И кулаки бессильно разжались.

В прежней жизни ему хватило бы щелчка пальцев, чтобы обеспечить всё это племя до конца их дней. Но сейчас его личные ресурсы были ничтожны. Их не хватило бы даже на базовые бинты и антисептики для такого количества раненых. Ведь в пещере лежали не десять и не двадцать человек — здесь медленно умирали около двух сотен несчастных.

Тем временем староста подошёл к носилкам, на которых лежали избитые до полусмерти, окровавленные вице-староста и его соратники. Вены на лбу вожака вздулись от ярости.

Они ведь свято верили Церкви! Ради этой веры они покорно отдали всё: выгребли из закромов последнее зерно, принесли лучшие шкуры, надеясь выкупить у священника Рида спасительные лекарства. И как же отплатили тем, кто готов был пролить кровь за Бога Света и Папу? Священник продал им яд и пустышку, а инквизиторы смешали их с грязью и забили плетью.

Но бессильная злоба ничем не могла помочь. Да и как они, жалкие изгои, могли отомстить всемогущему духовенству?

Стоявший рядом со старостой высокий истощённый воин в отчаянии прошептал:

— Что же нам теперь делать?..

В племени не осталось ни единой ценности. Всё золото, одежда, семейные реликвии ушли на оплату лживого лечения. У них не было ни гроша.

С такими страшными ранами и запущенными болезнями никто в городе не станет помогать им бесплатно. Ни один лекарь не согласится дать лекарства взаймы — для них это верный путь к разорению.

Но ведь в этих пещерах лежали их родные! Братья, сёстры, жёны, дети... Неужели им суждено безучастно смотреть, как их близкие один за другим отходят в мир иной?

Мужчина не выдержал и тяжело опустился на колени, закрыв лицо руками.

Староста молчал, его пальцы впивались в ладони добела.

Выхода не было. С наступлением осени в лесах активизировались свирепые хищники. Охотникам приходилось тратить колоссальные силы на оборону рубежей, из-за чего добыча таяла на глазах. Вот и сегодня: на промысел вышли почти все крепкие мужчины племени, а вернулись лишь с жалкой горсткой дичи да тремя тощими кабанами. Надеяться прокормить общину и заработать на лекарства охотой было безумием.

А ведь они ничего другого делать не умели.

Существовал лишь один страшный способ быстро достать монеты и спасти хотя бы часть умирающих детей и женщин.

Продать себя в рабство.

От этой мысли сильная, некогда прямая спина старосты дрогнула и согнулась под непосильным грузом беды. Вглядываясь в полумрак пещеры, где стонали обречённые люди, он чувствовал, как внутри него умирает последняя надежда. Будущее племени виделось ему беспросветным, чернее грозовой тучи.

И вдруг среди этого глухого отчаяния и приглушённых стонов раздался спокойный, уверенный голос:

— Раз такое дело, завтра я пойду на охоту вместе с вами.

<http://bllate.org/book/20654/2112518>